

УДК – 351/354

КУВАКОВА Ирина Михайловна – кандидат социологических наук, доцент; профессор кафедры международных отношений и социологии Института социальных наук (105005, Россия, г. Москва, ул. Радио, 20)

УСТИНКИН Сергей Васильевич – доктор политических наук, декан факультета международных отношений, экономики и управления Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а); директор Приволжского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (603155, Россия, г. Нижний Новгород, Холодный пер., 4; sv.ustinkin@gmail.com)

РУДАКОВА Екатерина Константиновна – кандидат политических наук, заведующий кафедрой международных отношений и политологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а, корп. 1, каб. 1305; kafedra_mo_nglu@mail.ru)

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР И ИНСТРУМЕНТ ДОВЕРИЯ ИЛИ ДИСКРИМИНАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые подходы к пониманию проблем лингвистической безопасности как важного условия развития современного общества, как социально-политического фактора и инструмента общественного управления, что позволяет конкретизировать отдельные направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: проблемное пространство «лингвистическая безопасность», социально-политический фактор, русский язык, критерий, управление

Общепринято считать, что термин «лингвистическая безопасность» соотносится с обыденной и общественной деятельностью, с практикой всех действующих субъектов и профессиональных сфер. Это, с одной стороны, идейно-смысловая содержательная ценность и ответственность за произнесенное, высказанное или написанное «слово» (М.В. Горбаневский, 2002 г.); с другой – те сигналы которые рассматриваются как исходя из национальных интересов отдельной страны мира в целом (Е.И. Галяшина), так и в рамках индивидуально-корпоративной этики (И.И. Халеева). С третьей стороны лингвистическая безопасность – один из мощных социально-политических факторов движения, который может и должен рассматриваться как инструмент достижения не только морального (читай – ценностного, мировоззренческого, пр.) консенсуса, но и гражданского доверия между людьми и в более широких государственных рамках, имея опору в управлении и юридическо-правовой сфере [Савруцкая и др. 2014].

Излишне говорить об актуальности проблемы лингвистической безопасности, поскольку сегодня очевидны не только существенные проблемы в этой области общественных отношений, но и высокие ожидания, необходимость соблюдения правил и норм создания цивилизованной атмосферы транспарентности – ясности, объективности и доступности, прозрачности публичной информации: культурно-речевого – разговорного, диалогового и дискуссионного; официального и электронного – дипломатического, научного, и профессионального, технического, кино- и литературного, социального и политического, экономического, образовательного, СМИ-, TV- и Интернет-коммуникационного кон-

тента, представленного в мультиинформационном общественном пространстве [Жигалев, Устинкин 2015].

Многие ученые при обсуждении термина «лингвистическая безопасность» обращают внимание на изучение явлений естественных и искусственных управляемых изменений языка и речи современного волеизъявления и словоупотребления (Ю.А. Бельчиков, Н.Д. Голев, Г.Н. Трофимова др.), смыслоценностного и содержательного контекстов, которые часто формируются как «нарушения».

Так, в широком восприятии некоторые формы и фрагменты образовательно-коммуникационного контента отвечают разного рода критериям — от активного, пассивного до смешанного, комплексного, интегрального и иного качества («спокойствие — конфликт», «поддерживаем — не поддерживаем», «благополучие — неблагоприятие» и пр.) мультиинформационных воздействий на потребителей целевых аудиторий или случайных пользователей, свидетелей. Управление контентом зависит от частоты, смены ритмов, интенсивности, образно-смыслового ценностного, идеологического, политического и иных типов лингвистического воздействия. Критериями высокой, средней или низкой готовности к изменениям («согласие», «консенсус», «доверие — недоверие», «поддержка» и пр.) или уровнями восприятия в разных случаях являются последующие поведение и деятельность субъектов, определяемые характерными для них складом ум, мышления (ментальность): подражание, копирование, «подражание подражанию» (Платон) или реализация духовно-интеллектуальной самостоятельности и способности к выработке собственных суждений и логик жизненных решений. Последнее характерно как для отдельных людей, так и для сообществ или целых народов, практика которых детерминирована спецификой отношений, близостью или болезненностью стоящих перед обществом проблем — национальных, экономических, политических пр.

Сами лингвистические воздействия, определяемые смыслоценностными ориентирами, целями и задачами носителей разного социально-политического опыта, можно подразделить на формы, например, мягкого и жесткого, открытого и неявного (латентного), очень редко — нейтрального, инвайронментального, эмерджентного, герменевтического и иного практического влияния [Кувакова, Устинкин 2018]. Так, для мягкой формы характерны распространенные или особые мнения, часто сопряженные с мифотворчеством, научными, псевдонаучными и множеством других предположений, подменой понятий, манипуляциями и мошенничеством; бытовые и повседневные, политические, аналитические и профессиональные «оценочные» суждения, софизмы, ирония, сарказм и пр. Форме жесткого влияния свойственны речевые стратегии и тактики лжи, порочащие сведения, оскорбление чести и достоинства, клевета и даже неприличные формы выражения; ненормативная (инвективная или обценная) лексика, пропаганда исключительности по многообразию признаков и отношений к личностной, национальной, родовой и расовой принадлежности, разжигание религиозной неприязни расовой вражды и т.д.

Целый ряд подходов обусловлены обстоятельствами остро, ребром стоящих вопросов лингвистической безопасности/опасности и вызваны, во-первых и главным образом, общественными условиями, действием характеризующих этот этап развития социально-политических факторов и, только во-вторых, связаны с проблемами языковой нормы и ортологии (отклонения, неправильности). В фактах возникновения проблем и, соответственно, различных подходов основную роль играют добровольно (независимо, вынужденно) выбранный или навязываемый (например, принуждение «мягкой силой») социально-политический курс и соответствующие управленческие (менеджмент) решения — от мировоззренческих (европейские интеграция и мультикультурализм), социаль-

ных (миграция социализация) до экономических (консерватизм неолиберализм) и геополитических (национализм реваншизм), что подтверждено растущим потоком спорных результатов аналитики и экспертиз, постановлений, санкций и даже появлением «школьных образцов», так называемых инвариантных практик, обязательных для определенных типов текстов, коммуникативных ситуаций, форм труда, занятости, досуга и т.д.

Установлено, что нередко встречающиеся в достаточно широком диапазоне противоположные влияния, например нарушения норм языковой этики лингвистического поведения и др., входят в тесное в той или иной степени соприкосновение с нормами внутригосударственного и мирового права, политическим курсом и могут в отдельных случаях квалифицироваться как дискриминация. Такие примеры нередко встречаются в ходе экспертной оценки конкурентных, конфликтных и провокационных текстов в современной лингвистической юридической практике, в опыте межнационального международного общения.

Так, например, еще «на закате перестройки» по образцу передовых по тем временам стран Прибалтики, Украины и Молдавии, в Белоруссии была принята государственная программа, поставившая целью защитить национальную идентичность и расширить во всех сферах жизни общества к 2000 г. использование белорусского языка (Государственная программа развития белорусского языка и других национальных языков в Белорусской ССР). И хотя эта амбициозная программа противоречила действующему законодательству и закону о языках Белорусской ССР, ее начали внедрять в первой половине 1990-х гг., что вызвало «неприкрытое раздражение у большинства белорусов» [Устинкин 2018].

Процесс шел трудно и сопровождался неизбежными казусами когда, например, в школах вынуждены были собирать «консилиумы учителей-белорусоведов, чтобы составить на белорусском языке протокол педсовета», и несмотря на то что задачи реализации программы была рассчитаны до 2000 г., уже к 1995 г. стало ясно, что идея провалилась и не несет обществу ничего, кроме «растущих неудобств, протестов и раздражения населения».

По инициативе избранного в 1994 г. президента Белоруссии А.Г. Лукашенко 14 мая 1995 г. был проведен общенациональный референдум, показавший что 83,3% населения выступают за придание русскому языку статуса государственного и за политику интеграции с Россией. Результатом выражения консолидированного общественного мнения стали договор о Союзном государстве России и Белоруссии, а позже – договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС).

Для Белоруссии (в отличие, например, от Казахстана) русский язык и сегодня, «спустя четверть века после распада СССР, является не просто государственным, а основным и родным – практически все 100% белорусов говорят на русском языке (белорусский понимают порядка 95% белорусов, но могут говорить на нем не более 5%)». Русский язык в стране занял статус государственного по причинам национального, социокультурного или естественного социально-исторического порядка, а не в силу, как указывают некоторые исследователи «хорошего и дружественного отношения к русским», которое, к слову сказать изменчиво. Так, до 2008–2009 гг. президент А.Г. Лукашенко многократно заявлял, что в Белоруссии «языковой вопрос решен раз и навсегда, а курс на интеграцию с Россией не подлежит пересмотру» и как таковая языковая проблема перед обществом не стоит. Однако в эти годы российско-белорусские отношения начали меняться: из ближайшего круга белорусского президента постепенно уходят лица, ориентированные на интеграцию с Россией, а на их место пришли сторонники идей диверсификации, суверенитета как незыблемой ценности и многовекторности западной ориентации во внешней политике. Администрация президента, Институт истории национальной академии наук и Министерство культуры совместно с

Товариществом белорусского языка, другими общественными и политическими организациями и их представителями за короткий срок стали активными проводниками программ «белорусизации» в жизнь. Не лишне указать, что это информативная и содержательная иллюстрация к действию социально-политических факторов и инвариантных практик государственного управления. Их выбор традиционно обусловлен несколькими существенными моментами: оценкой общей картины реальности, возможностей страны и расстановки сил в мире; пониманием своей роли, места и компетенций как представителей власти; качеством личного мировосприятия образа будущего (исключительно для себя или для всей страны), идей (доктрин) и, как следствие, принимаемыми судьбоносными решениями. Реализация последних оказывает существенное влияние на жизнь людей, связывая воедино геополитические как собственно политические, социальные, экономические, а также личностные формы конструктивного и деструктивного характера (А.А. Бартош).

Выделяя особенность личностного фактора, укажем на проблему состояния и будущем русского языка в Киргизской Республике (Кыргызстан). В бывшей республике СССР 18 лет назад русский язык был наделен статусом официального – конституционным правом обслуживать наряду с государственным языком сферу государственного управления, законодательства, судопроизводства, народного образования и пр. Однако сегодня русский язык де-факто утратил статус официального и «не поддерживается правовыми гарантиями» государства. Согласно изменениям, закрепленным в Положении об отборе и зачислении абитуриентов, внесенным в 2019 г. Министерством образования и науки Кыргызстана, на бюджетное место при одинаковом числе баллов в вуз поступит тот соискатель, который имеет сертификат о знании киргизского языка системы «Кыргызтест». Эта положение вводится со следующего года.

Нововведение диссонирует, по признанию некоторых политиков (но их меньшинство), с ранее установленными государством правилами поступления в вузы и ставит хорошо знающих киргизский язык абитуриентов в более выгодные условия по сравнению с представителями других этнических групп.

Не оказало существенного влияния на решение власти заключение Комитета ООН, данное в ходе сессии в Женеве в мае 2018 г. и «настоятельно призвавшее» Кыргызстан «обеспечить» проведение такой политики в области использования языков в системе образования, которая «не приводила к прямой или косвенной дискриминации по признаку этнической принадлежности». Безусловно, при наличии доброй воли представителей ведомства следовало бы ввести аналогичное тестирование на знание официального языка для всех абитуриентов. Есть мнение, что это управленческое решение вызвано тем, что Минобразования КР «несостоятельно» в реализации «продуктивной языковой политики». Вместо «создания необходимых условий для изучения госязыка всеми гражданами страны» оказалось проще (или выгоднее?) поставить вопрос ребром: изучение госязыка или отсутствие доступа к бесплатному высшему образованию.

Согласно Национальной программе развития государственного языка и совершенствования языковой политики в Кыргызской Республике на 2014–2020 годы, на которую пытаются сослаться чиновники министерства образования, «выпускники киргизских, узбекских, таджикских школ не владеют на должном уровне официальным языком так же, как выпускники русскоязычных школ – государственным», тогда как цель национальной программы – «формирование нового многоязычного поколения кыргызстанцев, свободно владеющих родным, государственным, официальным, а также международными языками».

Русскоязычная (русскоговорящая) общественность Кыргызстана, как и других стран бывшего СССР, может не отвечать, не реагировать на дискрими-

национные законодательные положения и нормы практики, но обязательно столкнется с действиями подобных неполиткорректных норм (если не сказать — сил), а если не повезет — то и станет их «заложником», что может привести к усилению внутренних противоречий, недопониманию, взаимным обидам, снижению согласия, доверия и разобщенности — конфликту в обществе. О фактических социально-политических последствиях необходимо задумываться уже сегодня и делать реалистические прогнозы — сейчас, а не тогда, когда события в обществе достигнут точки кипения, состояния необратимого хаоса.

С другой стороны, здесь действует фактор социально-политической ответственности, и очевидно, что необходимо уделить особое внимание критериям управленческой практики, аналитике, оценкам и доказательным аргументам — никто не отменял принципа «не навреди», если люди действительно привержены общенациональным (а не только личным, корпоративным, узкокорыстным) интересам. Общая постановка проблемы критериев и поиска профессиональных инструментов оценки деятельности государственных (федеральных, региональных, муниципальных или местного самоуправления) органов, институтов общества и их представителей разворачивается в целостный комплекс вопросов: 1) о картине мира и привлекательном образе будущего, чтобы граждане понимали, «куда идем?»; 2) об избранном курсе, о ресурсах, моделях, средствах, социально-политических реформах и новых возможностях людей; 3) о политике учреждений культуры, СМИ, Интернета и TV, чье присутствие в современной жизни обязательно; 4) о координации и регулировании деятельности тех, кто представляет идеи государства, властных и политических сил, что не может достигаться только принуждением, силой или средствами судопроизводства, а требует добровольного, необходимого и достаточного участия широкой научной трудовой и народной общественности. В условиях действия многомерных социально-политических факторов толкование дефиниции «проблемное пространство “лингвистическая безопасность”» усложняется и расширяется. В связи с внешними политическими рисками и угрозами, вызванными процессами глобализации, а также внутренней, все более углубляющейся социальной дифференциацией, неустроенностью, проблемами в сфере образования, воспитания и межнациональных отношений, психологии масс, исследователи ставят вопрос об обеспечении национальной безопасности России и связывают его решение с задачами лингвистической безопасности, повышения авторитета русского языка, расширения возможностей государственной культурно-языковой политики и сохранения социально-политического влияния как страны высокой культуры языкового общения в мире, что считается не только вполне оправданным, но и необходимым, своевременным, архиважным.

Список литературы

Жигалев Б.А., Устинкин С.В. 2015. Лингвистическая безопасность как фактор обеспечения устойчивого развития Российской Федерации. — *Власть*. № 10. С. 32-41.

Кувакова И.М., Устинкин С.В. 2018. Язык как институт и инструмент умо- и самостроения будущего мира. — *Власть*. Т. 26. № 7. С. 173-182.

Савруцкая Е.П., Жигалев Б.А., Дорожкин А.М., Устинкин С.В. 2014. *Образование. Культура. Язык*: монография (под общ. ред. Е.П. Савруцкой). Н. Новгород: НГЛУ; СПб: Изд-во РХГА. 232 с.

Устинкин С.В. 2018. Особенности реализации языковой политики в странах ОДКБ. — *Языковая политика и лингвистическая безопасность*: материалы первого международного образовательного форума (отв. за вып. М.А. Викулина). С. 359-369.

KUVAKOVA Irina Mikhailovna, *Cand.Sci. (Soc.), Associate Professor; Professor of the Chair of International Relations and Sociology, Institute of Social Sciences (20 Radio St, Moscow, 105005, Russia)*

USTINKIN Sergei Vasil'evich, *Dr.Sci. (Pol.Sci.), Dean of the Faculty of International Relations, Economics and Management, Dobroljubov State Linguistics University of Nizhny Novgorod (31a Minina St, Nizhny Novgorod, Russia, 603155); Director of Volga Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (4 Kholodny Lane, Nizhny Novgorod, Russia, 603155; sv.ustinkin@gmail.com)*

RUDAKOVA Ekaterina Konstantinovna, *Cand.Sci. (Pol.Sci.), Head of the Chair of International Relations and Political Science, Dobroljubov State Linguistics University of Nizhny Novgorod (31a Minina St, Nizhny Novgorod, Russia, 603155; kafedra_mo_nglu@mail.ru)*

LINGUISTIC SECURITY AS A SOCIO-POLITICAL FACTOR AND THE TOOL OF TRUST OR DISCRIMINATION

Abstract. *The article discusses some approaches to understanding the problems of linguistic security as an important condition for the development of modern society, a socio-political factor and an instrument of public administration, which allows specifying separate directions for further research.*

Keywords: *problem space of linguistic security, socio-political factor, Russian language, criterion, management*

КЛИМАШЕВСКАЯ Ольга Викторовна — кандидат политических наук, доцент Московского авиационного института (национальный исследовательский университет) (125993, Россия, г. Москва, ГСП-3, Волоколамское ш., 4; klimawevskaya@yandex.ru)

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. *Современные экономические условия, а также международная стратегия «гендерного мейнстрима», принятая Россией, формирует новые образы и стандарты профессиональных видов деятельности. ЮНЕСКО особое внимание уделяет роли женщины в экономике, науке и технологиях, реализации свободы личности и предпочтений. Но при этом автор отмечает серьезные проблемы, с которыми сталкиваются институт брака, территория семейных ценностей и культурные традиции нашей страны.*

Ключевые слова: *гендер, пол, социальный пол, гендерная политика, гендерный стереотип, гендерная стратегия, культурная идентичность*

В настоящее время редко артикулируется такой весомый аргумент, как изменение характера современной профессиональной деятельности. В массовом сознании по-прежнему доминирует образ инженера индустриальной эпохи — это мужчина на фоне производственного процесса, а образ школьного учителя или воспитателя детского сада — женщина в окружении подрастающего поколения. Между тем современная экономика формирует новые образы и новые стандарты профессиональных видов деятельности. Эксперты прогнозируют, что уже в ближайшем будущем до 75% рабочих мест будут требовать применения высокотехнологических навыков.

В России, согласно проведенным исследованиям, у женщин нет особых про-